

Дергунов В.А.,

студент,

2 курс, факультет “Юридический”

Оренбургский Государственный университет им. В.А. Бондаренко

Россия, г. Оренбург

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация: В статье исследуются теоретические и практические аспекты признания цифровых прав самостоятельными объектами гражданского оборота. Анализируются легальные дефиниции, доктринальные подходы и правоприменительные сложности, возникающие при квалификации цифровых прав. Можно прийти к выводу о необходимости совершенствования нормативной базы и устранения противоречий между классическими институтами гражданского права и цифровыми реалиями.

Ключевые слова: цифровые права, объекты гражданского оборота, информационная система, квалификация, имущественные права, цифровизация.

Abstract: The article explores the theoretical and practical aspects of recognizing digital rights as independent objects of civil circulation. It analyzes legal definitions, doctrinal approaches, and the challenges of applying digital rights. The article concludes that there is a need to improve the regulatory framework and address the contradictions between classical civil law institutions and digital realities.

Keywords: digital rights, objects of civil circulation, information system, qualification, property rights, digitalization.

Принятие Федерального закона №34-ФЗ от 18 марта 2019 года ознаменовало собой важный этап в развитии отечественного гражданского законодательства. Данный нормативный акт ввел в правовое поле новую категорию – цифровые права, что стало реакцией на активное внедрение информационных технологий и формирование принципиально иной цифровой среды. В условиях стремительно меняющейся реальности прежние правовые конструкции перестали отвечать потребностям оборота, что потребовало существенной корректировки законодательства.

Появление цифровых прав неразрывно связано с функционированием информационных систем, в том числе построенных на блокчейн-технологиях. Последние представляют собой децентрализованные хранилища баз данных в электронной форме. В настоящее время задача совершенствования правового регулирования цифровой среды становится одной из приоритетных для цивилистической науки.

Анализ научной литературы показывает отсутствие единого понимания сущности цифровых прав. Отдельные авторы, в частности С.В. Сарбаш, рассматривают цифровые права как разновидность юридической фикции. М.А. Рожкова настаивает на том, что цифровые права представляют собой субъективные гражданские права, облеченные в электронную форму. Противоположную позицию занимает А. Бычков, который акцентирует внимание на возможности отчуждения и перехода цифровых прав как на их ключевой характеристике.

При раскрытии содержания цифровых прав законодатель обращается к категории «информационная система». Однако унифицированного подхода к толкованию данного термина также не выработано. В Федеральном законе №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационная система определяется через совокупность технологий и технических средств, обеспечивающих обработку информации. Международный стандарт ISO/IEC 2382-1 трактует ее иначе – как систему

обработки информации, взаимодействующую с организационными, техническими и финансовыми ресурсами. Существование множества дефиниций вносит неопределенность в понимание цифровых прав.

Нововведения, закрепленные в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), породили ряд сложностей, связанных с отнесением цифровых прав к той или иной категории объектов.

Согласно статье 141.1 ГК РФ, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Таким образом, имущественные права посредством информационной системы могут быть материализованы в электронной форме в виде определенного кода или обозначения. Поскольку имущественные права изначально обладают различной юридической природой, представляется не вполне корректным помещать цифровые права в один ряд с традиционными объектами. Более обоснованно говорить не о появлении нового вида прав, а о цифровом способе фиксации уже существующих.

Статья 128 ГК РФ относит цифровые права к категории имущественных прав. Такое решение законодателя влечет за собой как минимум два последствия. Во-первых, создается риск слияния правовых режимов классических имущественных и цифровых прав. Во-вторых, возникает проблема разграничения указанных объектов по основополагающим признакам. Законодатель не провел работу по определению индивидуальных характеристик цифровых прав и их особенностей. Вместе с тем сам факт законодательного закрепления цифровых прав свидетельствует о процессе цифровизации гражданского оборота.

Представляется, что о появлении качественно нового вида сделок в цифровом пространстве можно будет говорить только после того, как

соответствующие акты приобретут силу правообразующего, правоизменяющего или правопрекращающего юридического факта.

Исходя из системного толкования статей 128 и 141.1 ГК РФ, цифровые права, понимаемые как обязательственные и иные права, поименованные в законе и функционирующие по правилам информационной системы, могут интерпретироваться как «цифровые права на обязательственные и иные имущественные права». Данное толкование утратило бы силу, если бы речь шла исключительно о цифровом способе фиксации, а не о новой самостоятельной разновидности прав. Однако предлагаемый способ закрепления прав в цифровой системе способен породить новые проблемы, связанные с необходимостью охраны интересов пользователей.

В анализируемых нововведениях отсутствует описание технологических свойств информационной системы. Также не закреплены основополагающие принципы защиты прав и законных интересов пользователей такой системы. Следствием этого становится возрастание риска злоупотреблений для участников рынка. Кроме того, остается открытым вопрос о субъекте, осуществляющем контроль за функционированием системы. Несложно спрогнозировать негативные последствия, к которым может привести ошибка, сбой в управлении или полное отсутствие такового. В связи с этим требуется детальное регулирование данной сферы применительно к конкретным видам прав.

Итоговая редакция статьи 141.1 ГК РФ не ограничивает перечень видов цифровых прав – ни по типу информационной системы, ни по характеру удостоверяемого имущественного права. Однако подобные ограничения могут быть установлены специальными федеральными законами (например, о цифровых финансовых активах или о краудфандинге), что способно затруднить эффективное существование цифровых прав. Одновременно с этим не решена проблема существования гибридных цифровых прав, удостоверяющих одновременно различные имущественные права.

В сфере цифровых отношений отсутствуют полноценные юридические механизмы их реализации и защиты. Ряд фактически существующих институтов и процессов находятся в рамках, не очерченных законом. Исходя из этого, с юридической точки зрения можно утверждать, что они не существуют.

Современные реалии требуют создания четкого и эффективного законодательного регулирования цифровых прав. Часть проблем, вероятно, будет решена путем закрепления положений о цифровых правах в отдельном федеральном законе или отраслевом кодексе. Вместе с тем не исключено появление ряда ограничений и несоответствий по отношению к нормам о цифровых правах, закрепленным в ГК РФ.

Совершенствование нормативно-правовой базы позволит создать благоприятные условия для развития цифровых прав, а также для их отражения в других отраслях права. Введение в ГК РФ 18 марта 2019 года норм, регулирующих цифровые права, является смелым шагом вперед. Однако из-за отсутствия действенных механизмов регулирования и сбалансированной позиции в этой области говорить о реальном и эффективном применении данных норм пока преждевременно.

Одной из ключевых проблем, является существование гибридных цифровых прав, удостоверяющих одновременно разнородные имущественные права, а также отсутствие эффективных механизмов их реализации и защиты. Частичное, но важное решение данной проблемы было предложено Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Указанный закон ввел легальное разграничение между цифровыми финансовыми активами (ЦФА) и утилитарными цифровыми правами (УЦП). ЦФА удостоверяют денежные требования, права участия в капитале или права по эмиссионным ценным бумагам. УЦП, напротив, закрепляют права

требования передачи вещей, выполнения работ или оказания услуг. Такое разделение позволяет квалифицировать цифровое право исходя из его экономической сущности, а не только из формальной принадлежности к информационной системе.

Для решения проблемы гибридных цифровых прав (когда один цифровой код удостоверяет несколько разнородных прав) предлагается ввести в правоприменительную практику правило «ведущего имущественного права»: если цифровое право включает одновременно, например, денежное требование и право на получение услуги, его квалификация определяется тем правом, которое составляет его основное экономическое содержание (доминирует по объему правомочий или стоимости). В случае невозможности выделения ведущего права сделка с таким гибридным правом должна подлежать нотариальному удостоверению как особо рискованная. Данный подход уже применяется в разъяснениях Банка России при выпуске ЦФА и может быть закреплён на уровне рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ.

Таким образом, цифровое право представляет собой совокупность правовых предписаний, которые являются внешне не выраженными и закреплёнными в виде цифровых обозначений, регулирующих общественные отношения. Дальнейшее развитие законодательства в этой сфере должно идти по пути устранения выявленных противоречий и формирования непротиворечивой системы квалификации цифровых прав как объектов гражданского оборота.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. №146-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
2. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. №34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского

кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. №12. Ст. 1224.

3. Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. №31 (1 ч.). Ст. 3448.

4. Бычков А. Транзакции с криптоактивами и их правовая защита // Новая бухгалтерия. 2018. № 4. С. 100–127.

5. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. №5. С. 111–119.

6. Головкин Р. Б. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. 2019. №2. С. 163–166.

7. Новоселова Л., Габов А., Савельев А., Генкин А., Сарбаш С., Асосков А., Семенов А., Янковский Р., Журавлев А., Толкачев А., Камелькова А., Успенский М., Крупенин Р., Кислый В., Жужжалов М., Попов В., Аграновская М. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. №5. С. 31–54.

8. Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018.

9. Жемеров В.В. Цифровые права человека: теоретические и практические проблемы // Вопросы Российской юстиции. 2019. №3. С. 1026–1035.

10. ГОСТ 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015) Информационные технологии (ИТ). Словарь // Официальное издание. М.: Стандартинформ, 2016.

11. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства
Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 5018.